

Хобби, ставшее жизнью

Шел 1947 год, два года как закончилась война. Люди ликовали и радовались победе, а мы, дети, продолжали играть в войну. Бегали по двору с пугачами и деревянными винтовками, прятались от «врага» и «стреляли». Мне исполнилось шесть лет. Жили мы во Владивостоке, где тогда служил отец, на берегу бухты «Золотой рог». Будучи военным строителем, отец объездил с семьей всю страну, он служил и в Бурят-Монголии, и на Камчатке, и на Севере. Война застала нашу семью на Дальнем Востоке, где отец строил Артёмовскую ГРЭС. Я родился где-то в степи под телегой, а зарегистрировали меня в городе Артём, хотя я там никогда не был. К концу войны отцу дали квартиру в городе Владивостоке. Наш дом был окружен высоким забором, поэтому мама смело отпускала меня играть во дворе одного, строго запретив выходить за калитку. Я очень любил залезать на кирпичный цоколь забора и, держась за решетку, смотреть, как по улице мимо проносятся мотоциклы и автомобили, а моряки тащат на спине огромных океанских крабов, держа их за одну клешню (вторая отвисала чуть ли не до земли). Моей мечтой было стать мотоциклистом и нестись во весь опор по улицам. В юности я потом получил права на вождение мотоцикла, но мечта иметь мотоцикл так и не осуществилась, хотя с товарищем по учебе в МАИ я много поездил на его «Яве» в студенческие годы.

Однажды я попал в неприятную историю, чуть не подведя отца. Увидев у одного из мальчишек красивый новый блестящий пугач, я сбегал домой, достал из стола отцовский наградной «Вальтер» и пошел с ним во двор играть «в войну». Все ребята были поражены при виде настоящего пистолета, а я гордо бегал с ним и щелкал затвором. Это случайно увидел один из сотрудников отца, поймал меня, отобрал пистолет и отвел домой. За эту выходку мне впервые досталось от отца офицерским ремнем, что я запомнил на всю жизнь и больше никогда этого не делал. Понял, что оружие — вещь серьезная, играть с ним нельзя. Может быть, поэтому отец стал

заниматься моим воспитанием более тесно. По утрам он стал брать меня с собой на зарядку на водную станцию «Динамо» на берегу залива. Там был помост с тумбочками и дорожками для плавания. Я садился на край пристани, а отец плавал по дорожкам. В перерывах он подплывал ко мне и спрашивал, что достать со дна. Я показывал ему пальцем, и он доставал мне морские звезды, ракушки или красивые камушки гальки. Глубина была метра три, но вода очень чистая, и видно хорошо. Это было моим любимым занятием, и отцу было со мной веселее.

Однажды он решил приобщить меня к охоте. До сих пор я видел только, как отец приезжал с охоты на «эмке», выгружал и приносил домой уток, фазанов, тетеревов. Мама всегда всплескивала руками и говорила: «Куда же столько?», а затем раздавала большую часть охотничьих трофеев соседям. На этот раз отец собрался ехать на военном катере к островам в Японском море на утиную охоту и решил взять с собой меня (это в шесть лет!). Как на это согласилась мама, не знаю, но он решил делать из меня мужика. Все подробности этого путешествия я, конечно, не помню, но самые яркие врезались в память на всю жизнь. Поездка на машине до пристани, посадка на катер большой шумной компанией мне очень понравились. Я с удовольствием фотографировался с отцом на катере в открытом море, качку переносил хорошо, радовался поездке с отцом на серьезное дело.

День прошел незаметно, к вечеру катер заякорился у островов, и охотники стали собираться к высадке на лодках на берег. Я был под опекой кока, сидел на скамеечке на камбузе около топившейся печурки и слушал его байки. Все погрузились в лодки и отплыли от катера на острова, мы с коком остались одни. Перед отъездом отец сказал коку, что пусть приплывает к ним, если увидит зеленую ракету. Мы долго сидели в камбузе, уже стемнело, мне хотелось спать. Вдруг раздался выстрел, полетела зеленая ракета. Кок собрался, оставил меня одного около печурки, сказал, чтобы я пошел в кубрик спать, как надоест, и уплыл на лодке на острова. Я посидел еще

немного, но сильно клонило в сон, и я вышел на палубу, крепко держась за ограждения вдоль корабельных построек. Небо было черное, светили луна и звезды, корабль слегка покачивало, а вдали темнели силуэты деревьев на островах. Зрелище впечатляющее, поэтому оно и осталось в памяти таким ярким на всю жизнь. Страх я не помню, помню ощущение восторга. Крепко держась за поручни, я прошел по борту до входа в кубрик и по крутому трапу при слабом освещении спустился в каюту. Добравшись до постели, лег и крепко заснул.

Проснулся я рано утром от грохочущих звуков канонады ружей. Я вылез на палубу, солнце уже поднималось из-за горизонта, стоял небольшой туман. Вокруг катера сновали лодки с охотниками, в небе летали утки, гремели выстрелы, утки падали в воду. Я, раскрыв рот, взирал на это действие, впервые увидев настоящую охоту. У меня не было ни капли страха, может быть, именно тогда у меня в душе и проснулась охотничья страсть, которой потом я посвятил так много времени и сил.

В 1947 году отец вышел в отставку и перебрался с семьей в Москву на гражданскую работу. Отец продолжал и в Москве увлекаться охотой, был членом Военно-охотничьего общества как офицер запаса. Я окончил в Москве школу и поступил в МАИ. Когда мне исполнилось 18 лет, отец записал меня как члена семьи в свой Гвардейский коллектив военных охотников (КВО-26). Я стал участвовать во всех мероприятиях КВО-26. Ездил на соревнования по летней и зимней рыбалке, участвовал в соревнованиях по стендовой и пулевой стрельбе. С окончанием МАИ я окончил и военную кафедру, прошел офицерские сборы и получил вместе с дипломом института звание младшего офицера РВСН. С тех пор я стал полноправным членом Военно-охотничьего общества как офицер запаса и еще более активно стал работать в КВО-26, а затем и в Окружном Совете МВО ВОО. Я участвовал в коллективных выездах на отстрел волков, спортивных и товарных лосей и кабанов, стал часто ездить на охоту в

Каспийские плавни, где у нас были свои охотничьи базы, и дикарем — на Ахтубу. Зимой у нас на балконе всегда лежало дикое мясо: лосятина и кабанятина. Жена делала из смеси этого мяса вкусные котлеты с чесночком и картошкой, которые были любимым деликатесом для всей нашей семьи. После Астраханских охот на балконе висели связки уток, из которых готовили и первые, и вторые блюда. На кухне висела вяленая вобла и красноперка, которая светилась на солнце, а с хвостов капал жирок.

Интерес к охоте и живой природе передался и моей внучке, любимыми игрушками которой в детстве были подсадные чучела уток из резины, блесны и гильзы от патронов, а любимыми книгами — энциклопедии о животных и пособия для охотников и рыболовов. Став старше, она пристрастилась к рыбной ловле и научилась метко стрелять.

Такой жизнью я жил около 60 лет. Постепенно здоровье стало сдавать, выезды становились все реже. Я сел за компьютер и стал писать охотничьи рассказы, заново переживая те события, которыми когда-то жил. Незабываемы ощущения, когда на рассвете стоишь на болоте, встречаешь солнышко и ждешь пролета стаек уток. Или на вечерней зорьке, затаившись с ружьем на краю оврага или на просеке, слушая замолкание щебета птиц, с трепетом ждешь долгожданного «хорканья» или «циканья» вальдшнепа. Пусть все уже в прошлом, но эмоции до сих пор живы.

Яроцкий В.Н.

